

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, С. Н. ТРАВКИН
(*Санкт-Петербург*)

СВИДНИЦКИЙ ПОЛУГРОШ ИЗ РАСКОПОК НА ГОРОДИЩЕ ВОРОНИЧ (Псковская обл.)

В 2004 г. при археологических раскопках городища Воронич (Псковская обл.)^{*} была найдена монета, составляющая предмет настоящей публикации. Она представляет собой кружок грязно-белого цвета (предположительно серебро низкой пробы) диаметром 18 мм и весом около 0,6 г. На аверсе в центре монетного поля в линейном ободке изображен одноглавый орел в короне. Его голова повернута в правую геральдическую сторону. Вокруг орла размещена латинская надпись: «+LVDOVICVS: R: VN: ET: VO». На реверсе в центре монетного поля в линейном ободке изображена королевская корона с тремя точками. Вокруг нее в двойном линейном ободке сохранились остатки стертой латинской надписи: «+CIVITAS. SW[...] 15[...]3» (прил., табл. III/4 [увелич.]).

Изображения и надписи свидетельствуют о том, что это полугрош, отчеканенный в городе Свидница (Swidnica) в 1523 г. от имени короля венгерского и богемского Людовика II Ягеллончика (1516—1526). Подобные монеты чеканились в Свиднице в 1517—1527 гг. [43, с. 70, табл. 5, № 337]. Монета из раскопок на Ворониче достаточно долго находилась в активном обращении, о чем свидетельствует заметная ее потертость.

Город Свидница (Швайдниц) расположен на территории Силезии, которая в настоящее время входит в состав Польши, а в средние века имела бурную и весьма противоречивую историю. На протяжении длительного времени за эту область шла упорная борьба между соседними государствами. В конечном счете в 1335 г. Польша была вынуждена признать тот факт, что Силезия попала под власть династии Люксембургов и вошла в состав земель, подвластных Чешской короне [35, с. 863]. Ситуация стала еще более запутанной после того, как Богемия заключила династическую унию с Королевством Венгрией [1, с. 7]. Однако Польская корона достаточно быстро взяла своеобразный политический реванш, когда в XV в. к власти в Венгрии

и Чехии путем удачных брачных союзов пришла династия Ягеллонов. Представителем именно этой династии и был король Людовик II Ягеллончик, который одновременно являлся сыном короля Венгрии и Богемии Владислава II Ягеллона (1490—1516), потомком основателя династии Ягеллонов Владислава II Ягайло (Ягелло) (1386—1434) и племянником польского короля Сигизмунда I Старого (1506—1548) [7, с. 62]. Подобная запутанная династическая ситуация и географическая близость Силезии к западной границе Польши создавали самые благоприятные возможности для разнообразных политических и финансовых махинаций на территории Силезии.

В первой половине XVI в. Венгерское королевство и земли, связанные с ним, переживали сложную политическую и экономическую ситуацию [1, с. 5—19]. Все это приводило к лихорадочным и часто весьма сомнительным с юридической точки зрения попыткам улучшить положение. В частности, на территории Силезии в XVI в. выпускали мелкую билонную монету, которая копировала внешний вид польских номиналов. Именно такую монету чеканили в 1517—1527 гг. в Свиднице. Эта монета по своему внешнему виду была подобна польским полугрошам Сигизмунда I Старого (1506—1548), Александра I (1501—1506). Наибольшее сходство свидницкие полугроши имели с полугрошами первого из перечисленных королей [40, табл. 22, № 545, 547, 559; 43, с. 62, № 199, 201].

Формально рассматриваемый полугрош Свидницы и подобные ему монеты нельзя считать фальшивыми, так как они выпускались на «законном» монетном дворе. Однако их широкое распространение подрывало польский денежный рынок. Власти Польши неоднократно предпринимали попытки прекратить проникновение подражательных монет из Свидницы и изъять их из обращения Польского королевства и Великого княжества Литовского. Об этом свидетельствуют законодательные акты польских и литовских властей с 1518 по 1547 гг., детально изученные В. Н. Рябцевичем [31, с. 44—45; 32, с. 169—170]. Именно исследования В. Н. Рябцевича внесли наибольший вклад в изучение монет Свидницы, обращавшихся на территориях современных Беларуси и Украины.

Появление монет Свидницы на территории Польши и Литвы можно связать с целым рядом важных политических и финансовых событий. Прежде всего эмиссии Свидницы подрывали финансовую базу Польской короны и в конечном счете привели к денежной реформе 1526 г. [42, с. 21—24]. Кроме того, чеканка подражательных полугрошей в Свиднице от имени короля Венгрии и Богемии не могла не вызвать обострения в отношениях между Польской и Чешской коронами. Можно полагать, что монетная интервенция Силезии сыграла свою роль в том, что в 1526 г. польский король Сигизмунд I Старый не пришел на помощь родственнику в войне с Османской империей [7, с. 64—65]. В результате этого венгерские войска были

26 августа 1526 г. разгромлены в битве при Мохаче войсками турецкого султана Сулеймана I Великолепного (1520—1566), а раненый король Людовик II Ягеллончик, который лично возглавил атаку венгерской тяжелой вооруженной кавалерии, утонул в болотной грязи под тяжестью собственных доспехов во время бегства разбитой армии христиан [12, с. 202—203; 1, с. 20]*.

Возвращаясь к свидницкому полугрошу, найденному при раскопках городища Ворониц, отметим, что эта монета является наиболее восточной из всех находок полугрошей подобного типа. Монетное обращение коренных великорусских земель в XVI и XVII вв. почти не принимало чужеземной монеты [38, с. 100—125; 17], поэтому объяснение обстоятельствам появления на Псковщине столь экзотичной монеты, безусловно, следует искать в политических событиях XVI в.

В этой связи особое значение приобретает археологический контекст находки. Городище Ворониц — детинец псковского пригорода Вороноча** . Город находился в юго-восточной части Псковской земли, близ псковско-литовского пограничья. В исторической литературе город Вороноч обычно упоминается в связи с военными действиями: набеги и осады «литвы» в XIV—XV вв., поход польско-литовско-венгерского войска на Псков в 1581 г., разорения Смутного времени. Большинство исследователей относят появление города к XIV в., а гибель его датируют 1581 г., когда Вороноч был занят войсками Стефана Батория [3, с. 198; 15, с. 75—76; 4; 39, с. 25—26; 36, с. 159—165; 22; 23; 19; 16, с. 41; 24, с. 41; 5, с. 14—15; 11, с. 141; 37, с. 227—228]. Правда, в 1582—1583 гг. разрядная книга 1475—1605 гг. помещает в Вороноче осадного голову Михаила Рясина [27, с. 219; 28, с. 12], однако в это время в городе уже царит запустение, зафиксированное в 1585—1587 гг. московскими «писцами» Григорием Мещанино-

* Результатом разгрома венгерской армии в битве при Мохаче стало изменение всей военно-политической ситуации на юге Центральной Европы: турки дошли до границ Австрии и могли теперь угрожать Вене, Венгрия была разделена на части, а зависимые от нее земли достались соседним державам. В частности 23 октября 1526 г. королем Богемии был избран австрийский принц Фердинанд Габсбург (король Богемии и западной части Венгрии в 1526 — 1562/1564 гг.) (*Зикен*, 1997, с. 61—88). В числе прочих земель Богемской короны Габсбурги получили и большую часть Силезии, что привело к заметному изменению политического климата в этой области, в том числе в сфере монетной чеканки. В связи с этим интересно отметить, что монеты Свидницы с именем Фердинанда Габсбурга нам не известны.

** Наименование города в письменных источниках — Вороноч или Воронач. В настоящее время Великий (Верхний, Горний) посад города сохранился в виде д. Ворониц. В статье мы сохраняем за средневековым городом наименование Вороноч, а городище, являвшееся детинцем средневекового города, называем, как это и принято в современной литературе, по ближайшему населенному пункту — д. Ворониц.

вым-Морозовым и Иваном Дровниным (Псков и его пригороды 1913): Вороноч обозначен в писцовой книге 1585—1587 г. как «городище, что был город» [25, с. 332].

Напрашивается сопоставление найденного на городище Воронич полугроша с походом войск Стефана Батория на Псков летом 1581 г., когда близ Вороноча находился сборный лагерь королевского войска. Однако представляется, что связь эта не так прямолинейна, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что публикуемая монета была обнаружена на северо-западном краю площадки городища при зачистке поверхности слоя пожара, зафиксированного на внутреннем склоне городищенского вала. Таким образом, выпадение в слой монеты, битой в 1523 г., произошло позднее гибели деревянных фортификаций городища. При этом вероятность того, что свидницкий полугрош попадает на территорию Псковщины в начальный период своего хождения, представляется нам ничтожно малой.

В XVI в. Вороноч упоминается в письменных источниках главным образом в связи с военными действиями. Осенью 1518 г. польско-литовские войска почти месяц осаждали город Опочку, и тогда же литовские отряды «повоевали» города Вороноч, Велье и Красный [21, с. 99—100]. В 1521 г. Вороноч стал местом сбора русских войск, ожидавших начало военных действий против Литвы [там же, с. 102]. 29 ноября 1546 г. в Вороноче останавливался московский царь Иван IV Васильевич (Грозный), совершавший поездку в Новгород и Псков*. Весной 1565 г., когда большой отряд литовцев подошел к городу Велье, а русские войска отступили, преследовавшие их литовцы «за пять верст не доходили до Вороноча» [21, с. 247].

Очевидно, что во всех перечисленных событиях Вороноч предстает русским городом. Таковым он оставался, по крайней мере, до 1567—1569 гг.: в те годы Разрядная книга 1559—1605 гг. называет вороночским воеводой Федора Васильевича Шереметева [30, с. 50, 59]. Однако в грамоте 1571 г., направленной полоцким воеводой А. И. Ногтевым-Суздальским канцлеру Великого княжества Литовского М. Ю. Радзивиллу-Рыжему, отмечено, что 3 мая того года «государя вашего люди из Вороноча казачий десятник Соколинского прибору Васька, да казаки Жуква прибору Ячка да Майка, да Городовской, а с ними многие люди» напали на людей полоцкого архиепископа Антония [8, с. 25]. В той же грамоте подчеркивается, что люди, напавшие 28 июня того же года на отряд полоцких казаков, пришли «из государя вашего из городка из Вороноча» [там же, с. 27]. Все эти сведения повторены в «Обидном списке», сопровождавшем грамоту, причем здесь прямо сказано, что грабеж «архиепископля подвойского Ива-

* В Псковской Третьей летописи ошибочно показано, что Иван IV совершал поездку в конце декабря 1546 г. (Псковские летописи, 1955, с. 230). Дата поездки уточнена С. Ф. Платоновым (1998, с. 35).

на» 3 мая и полоцкого казачьего пятидесятника Третьяка Панина Бурцова 28 июня произвели «литовские люди» из Вороноча [там же, с. 35, 39]. Таким образом, в 1569 г. Вороноч еще принадлежал Московскому государству, но уже в 1571 г. он входил в состав Великого княжества Литовского и здесь находился литовский гарнизон.

В Разрядной книге 1475—1605 гг. под 1581 г. отмечено, что «июля в 13 день по литовским вестям, что прислал король заставу на Вороночь, и государь прислал воевод на Вороночь помогать Вороночо... А как король пришел ко Пскову, и им велено помогать Пскову» [27, с. 188, III/1]. Таким образом, в июле 1581 г., т. е. в то самое время, когда польско-литовско-венгерская армия короля Стефана Батория двигалась на Псков, Иван IV направил воевод «на помощь» Вороночу. Заметим, однако, что в Разрядной книге ничего не сказано о том, кто из русских воевод в этот момент находился в Вороноче, так что остается не ясно, кому именно оказывали «помощь» царские воеводы Иван Федорович Крюк-Колычов и князь Григорий Иванович Коркодинов, направленные под Вороноч из Новгорода, Леонтий Иванович Оксаков и князь Василий Мещерский, посланные из Пскова, а также Василий Тимофеевич Плещеев и Ермола Коробов, хотя подчеркнуто, что в Вороноче находится королевская «застава». Нет никаких сведений и о результатах оказанной Вороночу «помощи». Складывается впечатление, что Вороноч в первой половине июля 1581 г. не контролировался русскими войсками и русский гарнизон в городе отсутствовал.

Уточнить ситуацию помогают «Записки о Московской войне», составленные на основании официальных документов и свидетельств очевидцев Рейнгольдом Гейденштейном. Согласно сведениям Гейденштейна, крепость города Вороноча «была оставлена Московитянами» [6, с. 171]. В 1581 г. «Сибрик, начальник Заволочья (захваченного в 1580 г. польскими войсками. — С.Б., С.Т.) вызвал всех людей той области для присяги... Пришли в том числе и жители Вороноча, избрав для себя, по обычаю польскому, войта (advokato)... Московитяне опасались, что Заволочский гарнизон может легко овладеть *неукрепленным* (курсив наш. — С. Б., С. Т.) городом, и потому хотели его заранее сжечь, а горожан, которые принесли присягу по приглашению польских властей, наказать... Итак, собрав несколько войска, они двинулись, для того чтобы захватить город нечаянным нападением, но бдительный в своей должности прокуратор (т. е. войт) немедленно известил Сибрика; последний разбил Московитян, занял... местность, на котором стояла крепость, и поставил там гарнизон, укрепив его сообразно обстоятельствам... и, руководимый самими крестьянами, которым известны были соседние места, взял потом с неприятельской земли много добычи» [6, с. 171].

Очевидно, что события первой половины июля 1581 г., зафиксированные в Разрядной книге, соответствуют событиям, описанным Гейденштей-

ном. В начале лета 1581 г. в Вороноч, оставленный русскими войсками, прибыла «застава», направленная из Заволочья. Выборные представители вороночан отправились в Заволочье и принесли присягу королю. В ответ на это царским приказом под Вороноч были спешно направлены карательные войска под началом псковских и новгородских воевод. Целью похода являлось уничтожение Вороноча и наказание «изменников». Однако русские войска были разбиты поляками, взявшими окрестности Вороноча под полный контроль.

Таким образом, к лету 1581 г. Вороноч и его округа были уже довольно давно покинуты русскими войсками, а сам город не имел укреплений. Заметим при этом, что какая-то часть местного населения сочувственно относилась к польско-литовской администрации: жители Вороноча присягнули королю, «войт» Вороноча «немедленно известил Сибрика» о приближении царских войск, а грабеж окрестностей Вороноча производился под руководством «самих крестьян».

В «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию», составленном одним из секретарей королевской канцелярии ксендзом Станиславом Пиотровским, в записи от 8 августа отмечено: «...провел ночь в 5 милях от Воронца: там обилие во всем, деревни, т. е. села, расположены густо, хотя нигде не видно ни одного человека; на полях большой урожай и много хлеба» [9, с. 66]. 9 августа Пиотровский записал в дневнике: «Я приехал в Воронец» [там же]. Автор ничего не сообщает о военных действиях под стенами Вороноча и в своих последующих записях. Более того, в записи от 15 августа сказано: «Мы в двух милях от Воронца, проводим ночь над рекою Великою. Король завтра отправляется за нами... Гетман выехал из Воронца» [9, с. 84—85], а в записи от 16 августа отмечено: «Король изволил выехать на другой день после гетмана, сделав 5 миль от Воронца, так что он в один переезд сделал столько, сколько мы в два... Мы ночевали в 4 милях над тою же рекою Великою; король за нами в $\frac{1}{4}$ мили. Мы уже вступаем в веселую и плодородную страну, но что пользы от этого? Везде пусто, мало жителей; между тем повсюду деревни» [9, с. 85].

Сведения Пиотровского подтверждены интереснейшим источником, хранящимся в архиве Ватикана, — копией с карты, присланной «в Рим в начале 1582 г. папским нунцием А. Поссевино... Присланный им в Рим рисунок, очевидно, копия с плана королевской походной канцелярии» [14, с. 195]. На карте обозначены Псков и города, находившиеся на пути войск Батория, — Опочка, Красный, Заволочье и Вороноч. Опираясь на сведения, содержащиеся в надписях на карте, А. Н. Кирпичников убедительно доказал, что карта была составлена между 18 и 20 августа 1581 г. [14, с. 195; 13, с. 232]. При этом королевский лагерь показан на левобережье Сороти к востоку от Вороноча, т. е. в том месте, на которое указывает в своем дневнике Пиотровский.

Ни в дневнике Пиотровского, ни в надписях на карте 1581 г. нет сведений об осаде Вороноча, хотя сообщено о захвате Заволочья, сожженном Красном городке и осаде Острова. Напротив, Пиотровский подчеркивает: в густонаселенных («повсюду деревни») окрестностях Вороноча «не видно ни одного человека», «везде пусто, мало жителей». Очевидно, что в первой половине — середине августа 1581 г. город Вороноч, в четырех-пяти верстах от которого находился сборный пункт войск Батория, а также деревни в окрестностях города были в преддверье военных действий покинуты местными жителями и контролировались королевскими войсками. Об этом же сообщает и Гейденштейн, включивший Вороноч наряду с Красным городком и Заволочьем в число крепостей, занятых поляками [6, с. 185, 189]. С учетом того, что «Дневник...» Пиотровского не входил в число источников, которыми пользовался Гейденштейн [там же, с. 61—73], это представляется особенно существенным.

При перечислении территориальных потерь и приобретений московского царя по мирному договору 1582 г. Гейденштейн называет Вороноч в числе крепостей, разрушенных по приказу Ивана IV: «Царь сам получил обратно из земель, которые были завоеваны королем оружием: Луки, Заволочье, Остров, Невель, Холм, затем только крепостцы, разрушенные им самим, Красный, Красногород, Воронеч, Велий» [6, с. 268]. В статье, посвященной раскопкам 2002—2003 гг. на городище Ворониц, отмечалось, что сведения Гейденштейна о разрушении Вороноча самими русскими другими источниками не подтверждаются [2, с. 104]. Полагаем, что результаты раскопок 2004 г. позволяют внести в решение этого вопроса некоторую ясность. Поскольку польский отряд разбил русские карательные войска, направившиеся в начале лета 1581 г. «на помощь» вороночанам, а город в момент размещения здесь польского гарнизона укреплений уже не имел, можно думать, что зафиксированный раскопками 2004 г. пожар произошел ранее 1581 г., т. е., вероятнее всего, в момент вывода из крепости русского гарнизона на рубеже 1560—1570-х гг. Иными словами, раскопки 2004 г. как будто бы подтверждают сведения Гейденштейна о том, что крепость Вороноча была разрушена по распоряжению московского царя еще до похода Батория.

Таким образом, контроль над Вороночем был утрачен московскими властями между 1569 и 1571 гг. На протяжении 1570-х гг. в крепости Вороноча эпизодически появлялась «литовская застава», однако в течение всего этого десятилетия город находился в местном самоуправлении. При этом выборная администрация города не просто с сочувствием относилась к польско-литовской администрации, но в 1581 г. присягнула королю. Тогда же в Вороноче был размещен польский гарнизон. Видимо, не случайно окрестности Вороноча были избраны местом размещения королевского ла-

геря и сборного пункта войск Стефана Батория, направлявшихся к Пскову. И только по договору 1582 г. Вороноч и его округа вновь отошли к Московскому государству.

После сказанного решимся предположить, что публикуемый свиднический полугрош выпал в культурный слой городища Вороноч в 1570-е — начале 1580-х гг. (вероятнее всего, летом 1581 г., но не позднее 1582 г.). Однако в этом случае приходится признать, что полугроши, отчеканенные в Свиднице в первой четверти XVI в., продолжали обращаться на рынке Польско-Литовского государства до последней четверти этого столетия, т. е. значительно позднее последнего упоминания о них в письменных источниках [32, с. 170]. Обоснованность гипотезы о позднем хождении полугрошей Силезии XVI в. на территории Восточной Европы подтверждают материалы кладов XVII в., найденных на территории современных Украины и Молдавии*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная история: в 24 т. / А. Н. Байдак [и др.]. Минск: 1997. Т. 11: Развитие государств Восточной Европы.
2. *Белецкий, С. В.* Псковский пригород Вороноч / С. В. Белецкий // *Stratum plus*. 2003. № 5.
3. *Болховитинов, Е.* История княжества Псковского / Е. Болховитинов. Киев, 1831. Ч. 1.
4. *Бутырский, И. П.* Опыт древней истории Опочки / И. П. Бутырский. Псков, 1897.
5. *Васильев, М. Е.* Минувшее проходит предо мною... / М. Е. Васильев. М., 1997.
6. *Гейденштейн, Р.* Записки о Московской войне (1578—1582) / Р. Гейденштейн. СПб., 1889.
7. *Герберштейн, С.* Записки о московитских делах / Р. Гейденштейн // *Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев*. Л., 1986. С. 31—150.
8. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. // *Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. М.*; Варшава, 1998.

---

* **Беларусь:** Брагинский р-н Гомельской обл., 1871 (младшая монета клада — 1605); г. Речица Гомельской обл., 1951 (мл. монета — 1610); дер. Дубно Скидельского р-на Брестской обл., 1953 (мл. монета — 1614); дер. Зачепици Дятловского р-на Гродненской обл., 1956 (мл. монета — 1627). **Молдова:** дер. Днестровск Слободзейского р-на, 1961 (мл. монета — 1627); дер. Багринешты Флорештского р-на, 1985/1986 (мл. монета — 1625). **Украина:** дер. Козинцы Трошанского р-на Винницкой обл., 1843 (мл. монета — 1614); дер. Курчица Новгород-Волынского р-на Житомирской обл., 1887 (мл. монета — 1614); дер. Нужель Ковельского р-на Волынской обл., 1906 (мл. монета — 1617). *А. А. Нудельман*, 1976. С. 127. *В. Н. Рябцевич*, 1963. С. 162—163, № 22; С. 164, № 29; *М. Kotlar*, 1975. S. 131, № 545; S. 139—140, № 584; S. 147, № 617. *V. N. Rjabcevič*, 1989. S. 226, № 91; S. 227—228, № 98. *Tezaure*, 1994. P. 46—47; 49.

9. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова). Псков, 1882.
10. *Зикен, Б.* Фердинанд I 1556—1564 // А. Шиндлинг, В. Цинглер. Кайзеры. Ростов н/Д, 1997. С. 61—88.
11. *Зимин, А. А.* Россия времени Ивана Грозного / А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич. М., 1982.
12. *Кинросс, Л.* Расцвет и упадок Османской империи / Л. Кинросс. М., 1999.
13. *Кирпичников, А. Н.* Иностранцы о Пскове XVI в. Новые исследования / А. Н. Кирпичников // Древний Псков. История, искусство, археология. М., 1988.
14. *Кирпичников, А. Н.* Оборона Пскова в 1581—1582 годах и его крепостные сооружения в период Ливонской войны / А. Н. Кирпичников // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994.
15. *Костомаров, Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки) / Н. И. Костомаров // Исторические монографии и исследования. Т. 8, СПб., 1886.
16. *Косточкин, В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI вв. / В. В. Косточкин. М., 1962.
17. *Мельникова, А. С.* Русские монетные клады рубежа XVI — XVII веков / А. С. Мельникова. Киев, 2003.
18. *Нудельман, А. А.* Топография кладов и находок единичных монет / А. А. Нудельман. Кишинев, 1976.
19. Очерки истории СССР XIV—XV вв. М., 1953.
20. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
21. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
22. *Платонов, С. Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка / С. Ф. Платонов. Л., 1927.
23. *Платонов, С. Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка / С. Ф. Платонов // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 1, СПб., 1998.
24. *Проскуракова, Г. В.* Псковская феодальная вечевая республика. Начало союза с Московским государством / Г. В. Проскуракова, И. К. Лабутина // Псков. Очерки истории. Л., 1971. С. 41.
25. Псков и его пригороды. Кн. 1 // Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. 5.
26. Псков и его пригороды. Кн. 2 // Сб. МАМЮ. М., 1914. Т. 6.
27. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III, ч. I.
28. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1987. Т. III, ч. 2.
29. Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. II, ч. 1.
30. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974.
31. *Рябцевич, В. Н.* О чем рассказывает монета / В. Н. Рябцевич. Минск, 1968.
32. *Рябцевич, В. Н.* Нумизматика Беларуси / В. Н. Рябцевич. Минск, 1995.
33. *Рябцевич, В. Н.* Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии / В. Н. Рябцевич // Нумизматика и сфагистика. Т. I. Киев, 1963.
34. *Rjabcevic, V. N.* Skarby monet z XVI i XVII wieku na terenie obvodu Brzeskiego i Grodzieńskiego Białoruskiej SRR / V. N. Rjabcevič // Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska. Nr 6: 1986. Warszawa; Łódź, 1989.

35. Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969.
36. *Софийский, Л.* Город Опочка и его уезд / Л. Софийский. Псков, 1912.
37. *Скрынников, Р. Г.* Иван Грозный / Р. Г. Скрынников. М., 1983.
38. *Спасский, И. Г.* Русская монетная система / И. Г. Спасский. Л., 1962.
39. *Ушаков, Ф. А.* Время основания г. Пскова, границы Псковской страны и степень ее населенности в различные периоды ее существования / Ф. А. Ушаков // Тр. ПАО 1908—1909 гг. Псков, 1909.
40. *Gumowski, M.* Podrecznik Numizmatyki Polskiej / M. Gumowski. Krakowie, 1914.
41. *Kotlar, M.* Znaleziska monet z 14—17 w. na obszarze Ukrainskiej SRR / M. Kotlar. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1975.
42. *Mikolajczyk, A.* Einfuhrung in die neuzeitliche Munzgeschichte Polens / A. Mikolajczyk. Lodz, 1988.
43. *Szwagrzyk, J. A.* Pieniadz na ziemiach Polskich X—XX w. / J. A. Szwagrzyk. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1973.
44. Tezaure din Muzeele orasului Chisinau secolele XVI—XVIII. Chisinau: Editura Universitas, 1994.